
А. А. Лебедева

Одежда одной из локальных групп
русского населения Забайкалья
(старообрядцев)

В фондах МАЭ имеется интересная коллекция предметов женской и мужской одежды русских старообрядцев из с. Бичуры, переданной в 1897—1899 гг. в дар Музею потомственным почетным гражданином г. Кяхты Г. М. Осокиным (колл. № 475).

Село Бичура — в настоящее время крупный районный центр Бурятской АССР. Оно было основано русскими в XVII в., а во второй половине XVIII в. там поселилось 26 семейств старообрядцев. Построились они поодаль от православных и стали называть более раннее поселение «Сибирью».

К середине XIX в. с. Бичура уже растянулось на 4 версты. Единственная улица его состояла из двух изолированных концов — старообрядческого и сибирского. Административно с. Бичура являлось волостным селом, входившим в состав Верхнеудинского округа Забайкальской области, образованной в 1851 г.

Ко времени, к которому относится рассматриваемая коллекция одежды, в с. Бичуре было 700 домов, из которых примерно $\frac{3}{4}$ относилось к старообрядческому концу. Село протянулось на 11 верст.¹ Изолированность быта старообрядцев этого села от других групп населения, в том числе от русских сибиряков, прослеживается до середины XX в., поэтому рассматриваемая коллекция одежды МАЭ представляет большой интерес.

Коллекцию составляют две женские рубашки, один девичий сарафан, два женских сарафана, женская кацавейка, чулки, более десяти головных уборов (кички, кокошники, девичьи повязки, шали), восемь карманов, пояс, мужская рубаха и штаны, пять образцов домашнего ткачества из пскони и шерсти.

Первичная опись всех предметов забайкальской коллекции была сделана в 1899 г. Д. Клеменцем по сведениям, полученным от дарителя Г. М. Осокина. Опись эта очень краткая, без конкретного описания предметов по их характеру и назначению. Поэтому для настоящей статьи нам пришлось не только провести обмер и описание предметов, но и привлечь литературные данные и полевые материалы, собранные нами в с. Бичуре.²

---

¹ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. Протоколы собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского РГО. Кяхта, 1894, № 2, стр. 19; АИЭ АН СССР, ФКЭ, Забайкальский отряд, 1959—1960, д. 273.

² АИЭ, ФКЭ, Забайкальский отряд, 1959—1960, д. 273.

Ознакомление с этой небольшой коллекцией представляет несомненный научный интерес, так как предметы, входящие в нее, типичны для одежды, широко бытовавшей у старообрядцев в те годы, а в некоторых семьях Бичуры они продолжают бытовать и в наши дни. Коллекция дает возможность рассмотреть одежду в комплексе и по отдельным элементам. Ее сопоставление с бытующей одеждой в известной мере позволяет проследить изменения в одежде старообрядцев, происшедшие за 70 лет.

Следует отметить, что вся одежда в коллекции сшита из различных фабричных тканей «на руках» — без применения швейной машины. Сохраняя консерватизм во многих вопросах быта, старообрядцы Бичуры, да и не только этого села, широко использовали для одежды фабричные ткани. Сравнительно быстрый переход от домотканины к фабричным тканям был вызван тем, что климатические условия Забайкалья позволяли выращивать не лен, а лишь коноплю. Конопля, как известно, требует хорошо удобренной почвы, и поэтому ее выращивали лишь в небольшом количестве на усадебных землях вблизи дома. Волокно конопли перерабатывалось в разные сорта холста, который шел на полотенца, скатерти, платки и на рубахи. Со временем стало выгоднее покупать фабричную ткань на рубашку, сарафан, фартук, но шили, сохраняя традиционный покрой. Покупали материи на ярмарке в Верхнеудинске, где она устраивалась ежегодно с 25 января по 10 февраля.³ На ярмарку привозили холст и другие изделия из Тюмени, где во второй половине XIX в. были развиты разные кустарные промыслы (по обработке льна, шерсти, кожи и металла). Из Верхнеудинска купцы везли товары в Читу, Троицкосавск, Баргузин, Селенгинск, Бичуру.

Посконный отбельный холст домашнего тканья употреблялся на «стан», «подставу» к рубашкам, на летние моленные халаты, но со временем и эти детали стали шить из плотных фабричных тканей.

Обе женские рубашки из коллекции МАЭ сшиты из фабричной ткани. Рубашки праздничные, но несколько различаются по покрою. Первая рубашка (№ 457-4) — бесполиковая, вторая (№ 457-5) — с прямыми поликами. Рассматриваемые рубашки имеют характерное северовеликорусское название частей — «рукава» и «стан». В первой рубашке верхняя часть с рукавами сшита из красной чесучи, а стан — из четырех прямых полотниц хлопчатобумажной сарпинки в розовую мелкую клетку. Рукава широкие, прямые, с ластовкой (клином) такой же материи, скошены к запястью, без обшлага (рис. 1, а). Спинка мелко присборена у высокого ворота; прямой разрез в переднем полотнище — в «пазухе» — застегивается на ворота металлической запонкой. Застежка ворота с помощью запонки и вышивка швов цветным шелком — черты, более близкие одежде населения юго-западных областей России.

Вторая женская рубашка (тоже с рукавами и станом) сшита из лилового гаруса и четырех прямых полотниц хлопчатобумажной сарпинки в мелкую синюю клетку. Рукав длинный, широкий, прямой, с ластовкой, с широким обшлагом (6 см); у обшлага рукав присборен (рис. 1, б; 2). Полики, спинка и перед присборены у ворота. Соединительные швы верхней части рукавов представляют собой один из видов раннего украшения женской рубашки. Они выполнены многоцветной «расшивочкой» из шелка (иногда из шерсти, бумаги) при помощи иглы. Расшивочкой соединены рукава с поликом, со спинкой и передом рубахи. Ворота с глубоким разрезом-пазухой посередине переднего полотнища застегивается металлической запонкой (рис. 2, а, б).

³ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 31, л. 23 (1876 г.).

Праздничные рубахи нередко шили и из более дешевых материй: верх — из узловатой «полушелковицы» (шелк пополам с бумагой) почти всегда серо-красного цвета, а низ — из фабричной хлопчатобумажной дабы или грубого холста.

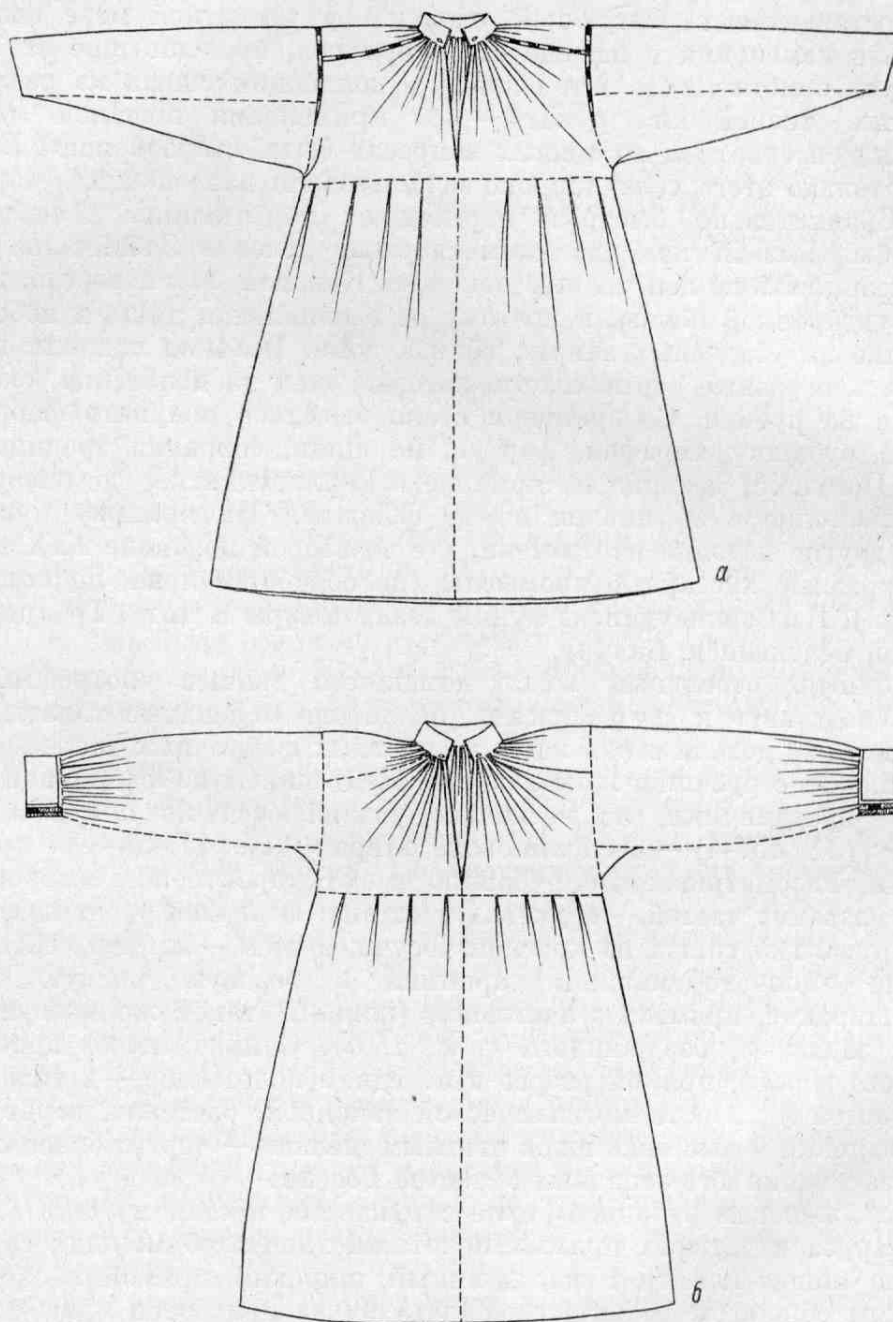

Рис. 1. Женские рубашки.

а — рубашка бесполоиковая, с украшением, вид спереди (№ 457-4); б — рубашка с прямыми поликами и обшлагом, вид спереди (№ 457-5).

Сарафан — неотъемлемый элемент женской одежды старообрядцев Забайкалья. П. А. Ровинский, обследовавший старообрядческие села по поручению РГО в 1872 г., писал, что раньше женщины шили сарафаны из атласа и левантина, а теперь только их донашивают.⁴ Сарафаны из

⁴ П. А. Ровинский. Этнографические исследования в Забайкальской области. Известия СОРГО, 1873, т. 4, № 8, стр. 127.

дорогих материй одевали не более трех или четырех раз в год: на пасху, рождество, троицу; в остальные праздники одевали сарафаны подешевле. Новые сарафаны в конце XIX в. шили из шерсти, кашемира и из более легкой шелковой материи «с узорчиком». Подол сарафана украшали нашитыми яркими лентами — «биями»: в XIX в. — одной широкой лентой, а в начале XX в. — двумя лентами, контрастными по цвету. Подобная отделка сарафанов была распространена и у бухтарминских старообрядцев.⁵

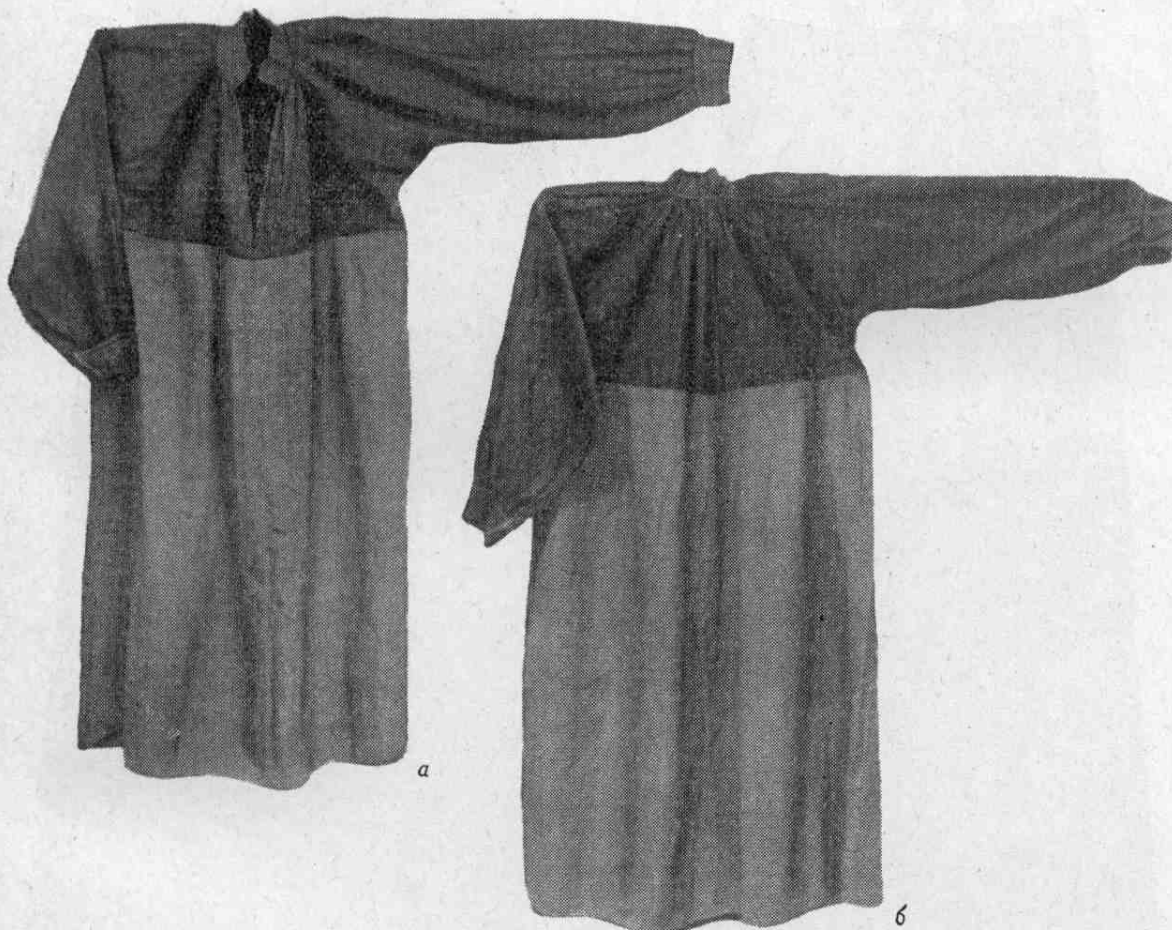

Рис. 2. Женская рубашка с прямыми поликами (№ 457-5).

а — вид спереди; б — вид сзади.

Старообрядцы Забайкалья уже не помнят крашенных сарафанов, которые были в широком употреблении в слободах близ Стародуба, изменился и покрой сарафанов. В конце XIX в. изредка шили косоклинные сарафаны, а чаще прямые. Прямые праздничные сарафаны раньше шили из шерсти, из восьми полотниц покупной шерстяной ткани гладкой или с мелким рисунком, или из кашемира с крупными цветами по всему полю. В конце XIX в. количество полотниц в прямых сарафанах уменьшается до четырех-пяти. Именно такого типа сарафаны и имеются в коллекции МАЭ.

Сарафан № 457-6 сшит из четырех прямых полотниц синего кубового ситца с красными цветами (длина полотница — 121 см, ширина — 62 см). Швы спереди, сзади и с боков. Под край подола, с изнанки, для проч-

⁵ Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев. В кн.: Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930, стр. 335.

ности подшита полоса темного колленкора (10 см шириной), называемая «подпушка». Вверху полотнище присборено и обшито темным кантом, к нему пришиты лямки шириной в 4 см (рис. 3, а). Сзади, на спине, лямки сходятся вместе. На груди по шву небольшой разрез, застегиваю-

Рис. 3. Женские сарафаны.

а — сарафан из четырех полотнищ, вид спереди (№ 457-6); б — сарафан из пяти прямых полотнищ, вид спереди (№ 457-7).

щийся на крючок. Эта деталь свидетельствует о том, что сарафан женский, в девичьих сарафанах таких разрезов не делали.

Сарафан № 457-7 также женский, шит из пяти прямых полотнищ (122 см длиной и 62 см шириной) красного ситца с растительным узором (цветы). Один шов спереди, остальные под рукавами, сзади же прямое полотнище. Все полотнища вверху присборены и обшиты кантом, причем заднее полотнище присборено больше других. Лямки (4 см шириной) сзади сходятся. Подпушка, как и в предыдущем сарафане, сделана из полосы колленкора (10 см шириной); пазуха застегивается на крючок (рис. 3, б; 4, б).

Сарафан № 388-5 праздничный, девичий, из лилового атласа, на подкладке из полосатого (черного с красными полосами) тика. По сведениям Г. М. Осокина, этот покрой сарафана характерен для начала XIX в.

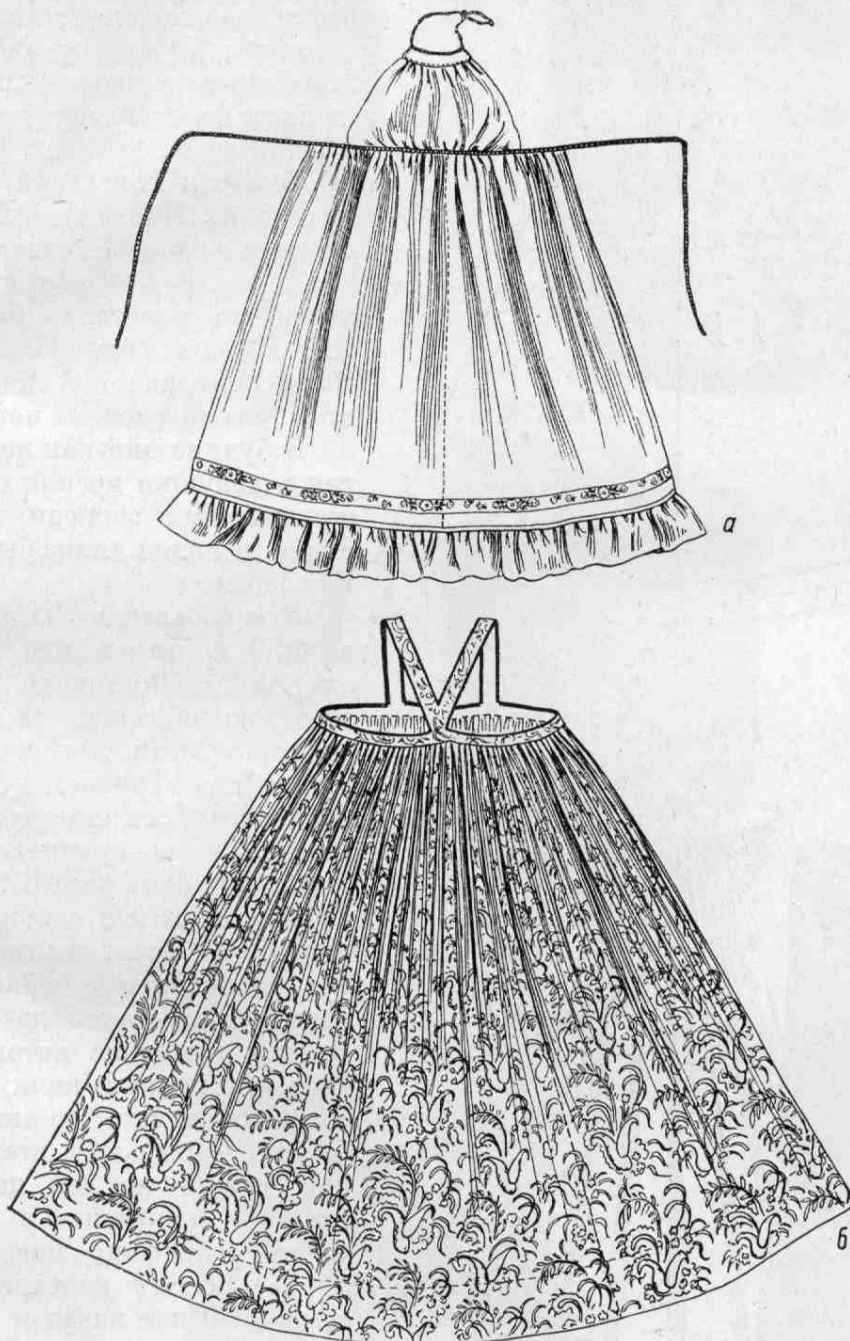

Рис. 4. Женская одежда.

а — запон (№ 457-8); б — женский сарафан, вид сзади (№ 457-7).

Спереди два прямых полотнища сшиты наглухо, сзади одно прямое полотнище сверху немного срезано с двух сторон; ширина полотнищ — 41 см, длина — 115 см. К передним полотнищам с каждой стороны пришиты кромкой сильно скошенные полотнища; между боковыми и задним полотнищем вшито по два клина (один большой клин и один малый «подклинок»). Сарафан имеет по подолу окружность 4 м 38 см. От передних полотнищ идут выкройные лямки (4 см шириной); на спине они

сходятся. Лямки обшиты светло-желтым хлопчатобумажным кантом; таким же кантом обшит верх сарафана, немного присборенный сзади.

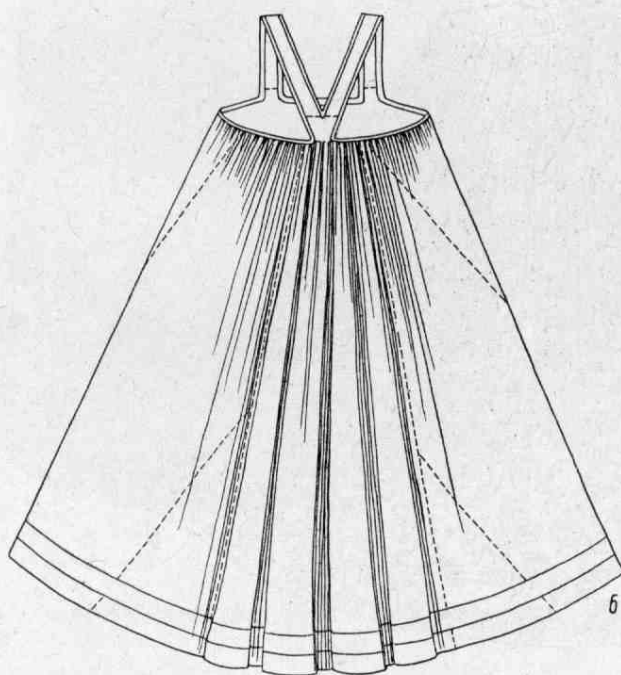
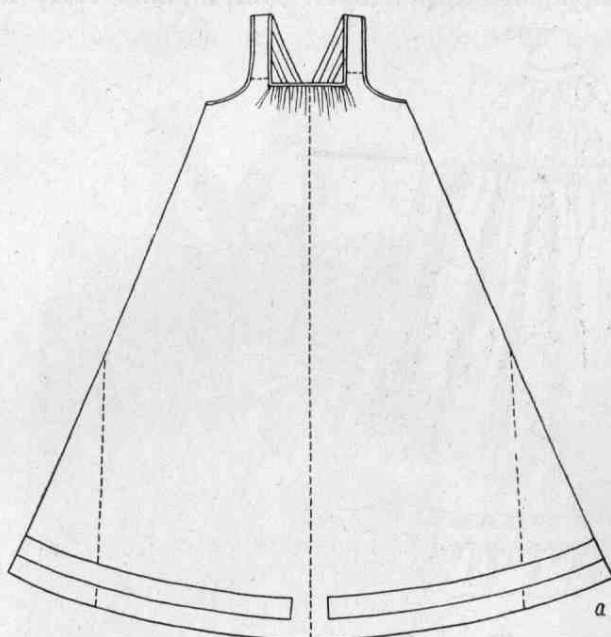

Рис. 5. Девичий праздничный сарафан (№ 388-5).

а — вид спереди; б — вид сзади.

Вдоль подола пришита узорчатая шелковая тесьма (бия) шириной 5 см, немного (на 5 см) не сходящаяся спереди и не закрывающая переднего шва (рис. 5, а, б).

Сарафан одевался поверх рубашки. Под сарафан женщины и девушки надевали нижние юбки. В XIX в. такие юбки шили из холста, а в начале XX в. — из ситца и бумазеи. В рассматриваемой коллекции этой детали одежды нет.

В будние дни как женщины, так и девушки носили сарафан, подоткнутый спереди так, что почти до колен видна была нижняя юбка.⁶

Исследователь Н. Щукин в 1859 г. писал, что женская одежда в Восточной Сибири везде однообразна, что здесь не знают сарафана; он уже не типичен для Томской губернии.⁷ Ошибочные сведения о женском костюме старообрядцев находим также в публикации Ю. Талько-Грынцевича.⁸ Он сообщает, что поверх рубашки женщины носят разноцветные юбки, а поверх юбки — такой же фартук. В этот комплекс автор включает кокошник и кичку. Совершенно очевидно, что автор ошибается. Сарафан у старообрядцев бытует по сей день. Пожилые женщины в Бичуре носят сарафан повседневно, а в более консервативных семьях 10 лет назад и молодые женщины носили сарафаны. До недавнего времени матери покупали отрезы шелка на сарафаны своим малолетним дочерям, готовя по старинной традиции приданое.

⁶ А. М. Попова. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928, стр. 11.

⁷ Н. Щукин. Быт крестьян Восточной Сибири. ЖМВД, 1859, ч. 34, вып. 2, отд. 3, стр. 37—38.

⁸ Ю. Д. Талько-Грынцевич, ук. соч., стр. 27—28.

Рис. 6. Карманы поясные.

а, б — плисовые, с вышивкой (№ 388-7/а); в — из разноцветных лоскутков (№ 457-10);
 г, д — детские, с вышивкой (388-7/а); е — пояс женский (№ 457-10).

По талии сарафан было принято опоясывать домотканым или покупным фабричным нарядным шелковым или шерстяным поясом, концы которого свободно спускались сбоку. По моде, утвердившейся в конце XIX в., пояс стали туго заматывать в несколько рядов, а концы прятать. Запон с грудинкой и накиннутый на плечи платок в этом комплексе настолько прикрывали сарафан, что его можно было принять за юбку. Возможно, что такой костюм и вызвал ошибку Ю. Д. Талько-Грынцевича, сообщившего о бытовании в Забайкалье не сарафанов, а юбок. В коллекции имеется один шелковый пояс (№ 457-10-а), вытканый продольными полосами из шелковых нитей лилового, коричневого, зеленого, красного, белого, оранжевого, черного цветов. Пояс имеет в длину 2 м 34 см, в ширину — 8 см и бахрому на обоих концах (по 10 см) как продолжение шелковых нитей основы (рис. 6, е). Нередко пояс выполнялся со сложным геометрическим узором.

Сбоку на пояс продевался нарядный «карман» для хранения ключей, наперстка и т. д. В коллекции имеется восемь карманов, сшитых из шерстяных, плисовых, хлопчатобумажных и репсовых лоскутков. С лицевой стороны карманы украшены аппликацией из разноцветных лоскутков, образующих геометрический узор (рис. 6, е). Карманы из черного плиса расшиты гладью или настилом разноцветным шелком (красным, синим, зеленым, желтым, бордовым, белым, лиловым) (рис. 6, а, б). Орнаментальная отделка располагается ниже клапана кармана; узор растительный. Длина карманов — 20—23 см, ширина — 15—18 см. Такие карманы шили и девочкам для орехов и других лакомств. В коллекции имеются два детских кармана в половину размера взрослых (рис. 6, г, д).

Поверх сарафана надевали запон. П. А. Ровинский сообщает,⁹ что запон надевали на сарафан в будни. Ю. Талько-Грынцевич считал, что запон входит в праздничный комплекс.¹⁰ А. М. Попова сообщает о запоне с грудкой из цветной материи,¹¹ украшенном по подолу яркими шелковыми лентами. Его носили с сарафаном. Видимо, это был праздничный запон. Что запон носили с праздничным сарафаном, подтверждают и наши полевые наблюдения в Бичуре, где в праздничном комплексе с сарафаном женщины обязательно надевают запон. Девушки же, возможно, раньше не надевали запона, когда носили косоклиный сарафан из атласа или левантина, подпоясывая его по талии нарядным поясом.

В коллекции МАЭ имеются два праздничных запона (№№ 457-8 и 9). Запоны такого покроя и материала мы встречали в Бичуре еще в 1960 г.

Первый из них сшит из двух полотнищ голубого гаруса (ширина полотнища — 54 см, длина — 78 см), «с грудинкой» («грудкой», «нагрудкой») — отрезной полосой такой же материи в ширину полотнища, длиной 26 см. Нижним краем грудинка пришита к присборенным двум полотнищам, обшитым по краю узкой бией, с оставленными по обеим сторонам длинными концами — «вязочками», которые завязываются по талии. Грудинка сверху сильно соборена (до 19 см от ширины 54 см) и обшита коричневой шелковой лентой в 2½ см шириной (рис. 4, а). К обшивке пришит узкий, пестрый, шелковый шнур для завязывания запона вокруг шеи. Подол запона заканчивается оборкой — «файборой» (12 см шириной) из голубого гаруса, сшитой из четырех полотнищ, сильно присборенных. На месте пришива оборки нашита красная гарусная бия шириной 1½ см, а на 2½ см выше и параллельно ей —

⁹ П. А. Ровинский, ук. соч., стр. 127.

¹⁰ Ю. Д. Талько-Грынцевич, ук. соч., стр. 28.

¹¹ А. М. Попова, ук. соч., стр. 10.

лента узорной тканой выработки в $3\frac{1}{2}$ см шириной (по зеленому фону белые и малиновые цветы).

Другой запон сшит из двух полотнищ ситца («турецкий» орнамент на красном фоне). Покрой и отделка, как у предыдущего запона, поэтому мы не будем останавливаться на его описании.

Праздничные запоны шили из шелка, репса, пестрого сатина, ситца, кашемира; повседневные — из дабы и ситца. Пожилые женщины носили запоны из темной материи, без яркой отделки, молодые — ярких расцветок, с украшением по подолу яркими шелковыми лентами.

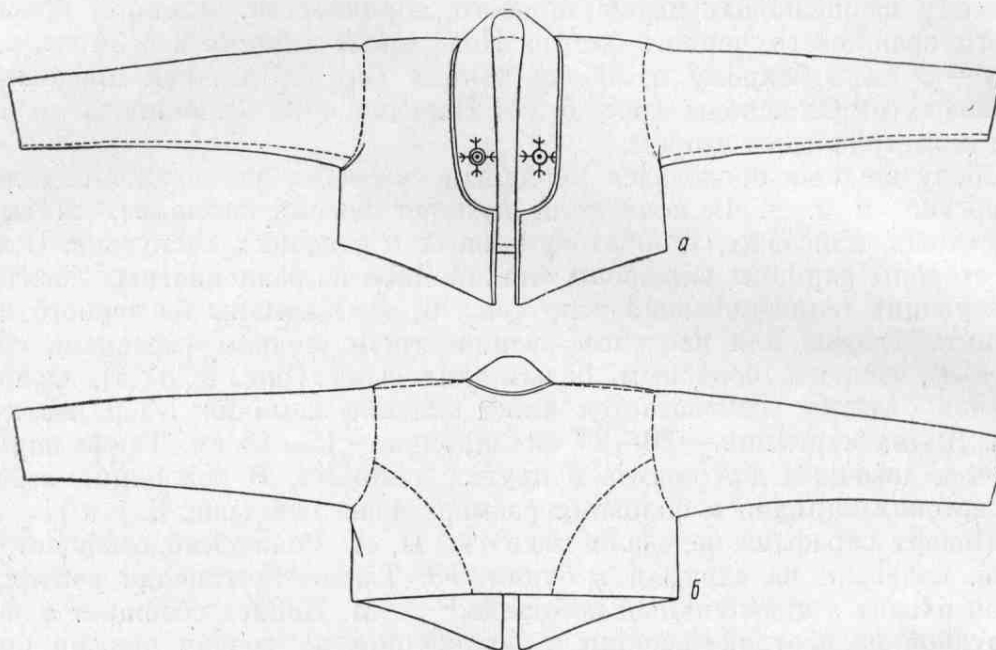

Рис. 7. Женская праздничная кацавейка (№ 457-11).

а — вид спереди; б — вид сзади.

В Забайкалье старообрядцы не носили запонов с рукавами, как это было в Бухтарме, но помнят запоны с тканым узором подола, без файборы и оборок, которые, очевидно, можно сравнивать с бухтарминскими, подробно разбираемыми в исследовании Н. П. Гринковой.¹² Яркий запон с файборой, еще бытующий в Забайкалье, как и яркий «нарукавник» с «воланом» в Бухтарме, — это элемент одежды, принятый уже в XIX в.

Нами выяснено у старожилов Бичуры, что здесь носили и домо-тканые запоны («сукманные») — шерстяные клетчатые или с поперечными полосами (белыми, черными). С сукманным запоном к сарафану полагалось по талии повязывать особо выбранный шерстяной пояс («барашком»). Этот тип запона дольше сохранялся в costume старых женщин и одевался на моление. Под запон женщины прятали медный крест, одетый поверх рубашки на цепочке или плетеном шнурке.

Имеющаяся в коллекции «кацавейка» из черного плиса (№457-11) являлась праздничной одеждой девушек и молодых женщин (рис. 7, а, б). Ее одевали в прохладное время поверх нарядного сарафана. Это короткая куртка (до талии «подбитая» ветошью, простроченной вместе с подкладкой из клетчатой бязи), по крою состоит из двух полок, спинки и рукавов. Рукава длинные, прямые, узкие, скошенные к запястью. Спинка прямая, со срезанными боками от середины проймы до нижнего края.

¹² Н. П. Гринкова, ук. соч., стр. 334—344.

Полы в раскрое заходят под рукава. Впереди они скошены книзу (рис. 7, а); при застегивании накладываются правая на левую; застежки боковые, по талии, на крючках. Воротник выкроен сзади стойкой (7 см высоты), переходящей спереди в «шаль», концы которой доходят до середины груди. Шов, соединяющий ворот с полками, отделан черным кантом. На обоих бортах тамбурная геометрическая вышивка цветным шелком, причем сочетание оттенков в деталях рисунка различное. Этот вид верхней одежды давно уже вышел из употребления. Более распространенной в конце XIX в. и дошедшей в отдельных случаях до нашего времени является женская верхняя одежда, называемая «курма», она имела два покроя: будничной и праздничной.

Будничную курму («курмушку») носили женщины и девушки всех возрастов. Шилась она из хлопчатобумажной материи — дабы, далембы, диагонали, с ситцевой подкладкой и теплой «подложкой» из очесов шерсти и волокна конопля, остающихся от «прядева». Курмушка имела простой покрой без складок, длину — до колен, застежку на крючках, рукав свободный, прямой. Праздничную курму шили также до колен, но в отличие от будничной — плотно по фигуре («с перехватом на талии»). От талии шли клинья, образывавшие глубокие складки, расширяющиеся книзу раструбами, по-местному «курдюками». Рукав суживался к запястью. Воротник был прямой, шириной 3—5 см. Шили праздничную курму из шерстяной ткани, плиса, цветной чесучи, на сатиновой подкладке, с подложкой из овечьей шерсти. Праздничную курму носили только девушки и молодухи.

Молодухи носили также шубки, которые девушкам носить было не принято. Праздничные шубки молодых женщин были ярких расцветок (из алой, зеленой, голубой, лиловой канфы). Рукава их украшались яркой тесьмой, бахромой. Шубки пожилых женщин шились из канфы, тонкого сукна, плиса, плюша более спокойных оттенков, рукава же их украшались неяркой тесьмой. Покрой шубок был одинаков: прямая спинка, широкие полы, позволявшие укутать в шубу маленького ребенка. Шубка имела одну застежку сверху, полы же придерживались рукой. Шубки шились на шерстяном подкладе, простеганном вместе с подкладкой из бязи или дабы. Для зимы шубки шили на мерлушке, в богатых семьях — на белой мерлушке, с большим шалевым лисьим или беличьим воротником, который доходил по бортам до подола.

В прохладную погоду для хозяйственных дел женщины одевали простые «сермяги» и «зипуны» из серого или черного домотканного канатного сукна.

В суровые зимы женщины также носили шубы из меха диких коз или тарбаганов. Этот вид верхней одежды был ими заимствован от бурятских женщин. Такие шубы (называвшиеся «яргачи») шили для русских бурятские мастерицы. Покрой их своеобразен: одна пола далеко заходит на другую и застегивается у плеча. По талии яргачи опоясывались кушаком. Грудь верхней (наружной) полы обычно расшивалась геометрическими узорами шелком разных оттенков.

Вполне возможно, что вышивка верхней одежды русскими Забайкалья заимствована от бурят. Об этом заимствовании пишет известный этнограф Д. Н. Анучин.¹³

В праздники в конце XIX в. женщины еще носили шушуну из алой, лиловой или зеленой канфы или другой шелковой материи или плиса на подкладке. Длиной шушун шили до колена. Известна была в Бичуре

¹³ Д. Н. Анучин. Этнографические очерки Сибири. «Ремесленная газета», М., 1876, № 21, стр. 296.

также женская одежда, называемая «халат». Возможно, однако, что халат — это тот же шушун, получивший со временем другое название. Халат шили из таких же материй, что и шушун, длиной до колен. Носили его чаще внакидку на плечи, нараспашку. Лишь при посещении церкви или молебного дома халат одевали в рукава. Рассмотренных нами элементов верхней одежды нет в коллекции, но для более полного представления комплекса женской одежды мы сочли нужным коротко на них остановиться.

Несомненный интерес в коллекции представляют девичьи и женские головные уборы. Девочки и девушки заплетали волосы в одну косу, вплетая в конец косы ленту. Голову покрывали платком, сложив его с угла на угол, концы подвязывали под подбородком — «молодочкой» или сзади свободным узлом. В праздник вплетали в косу несколько ярких лент и «жемчужную кисть»,¹⁴ на голову надевали повязку. В коллекции имеются две такие повязки.

Первая из них (№ 388-6) представляет собой полосу цветастого ситца (по красному фону черные ветки и цветы), шириной 8 см и длиной 56 см, на подкладке также из пестрого ситца. Завязывается сзади шнурком. Нижний край повязки украшен бисерной сеткой, спускающейся на лоб, узор из бисера гранатового цвета. Ширина украшения — 1½ см, длина — 29 см.

Вторая повязка (№ 389-4) сделана на подкладке из синей холщевой крашенины, из полосы кумача (ширина 5 см) и пришитой к ее нижнему краю полосы черной плотной материи (ширина 2 см). Длина повязки — 54 см. Завязывается она, как и первая, сзади узким шнурком. Черная полоса в налобной части расшита перламутровым бисером (рис. 8, ж).

Исследователь В. Паршин в своих этнографических записках (1849 г.) отмечает, что девушки в Верхнеудинском округе украшали косы множеством лент, а на голове носили бисерную или жемчужную узкую повязку.¹⁵ Головную девичью повязку с жемчужными привесками зафиксировал в конце XIX в. на юге Забайкалья в селах Урлук и Савичи и Ю. Д. Талько-Грынцевич, а в 70-х годах XIX в. — П. А. Ровинский. А. М. Попова, изучавшая быт старообрядцев в 20-х годах XX в., писала, что девичья повязка делалась на каркасе из картона — «на гумашке». Повязку обвивали шелковой шалью, концы которой с бахромой спускали на спину, а верх головы оставался открытым.¹⁶

Головную повязку на картонном каркасе серповидной формы встретил в начале XX в. в с. Никольском и А. М. Селищев. Здесь, как и в Бичуре, повязку обертывали шалью, концы которой перевязывались на затылке и спускались на спину. А. М. Селищев подчеркивает, что в церкви он не видел ни одной девушки и девочки без повязки. «Она при бумашке», — говорили о девушке в таком уборе.¹⁷

Замужние женщины разделяли волосы на прямой пробор и заплетали в две косы, концы кос переплетали тесьмой. Косы укладывали вокруг головы или на темени и закрывали волосы кичкой, являвшейся необходимой повседневной принадлежностью каждой замужней женщины. Этот головной убор священник освещал во время венчания. Форма кички была

¹⁴ В Верхнеудинском округе девушки также украшали косы множеством лент, а на голове носили бисерные или жемчужные повязки (АГО, р. 59, № 15, л. 332).

¹⁵ В. Паршин. Историческое и этнографическое начертание Иркутской губ. АГО, р. 59, № 15, л. 332.

¹⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевич, ук. соч., стр. 28; А. М. Попова, ук. соч., стр. 11.

¹⁷ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920, стр. 8.

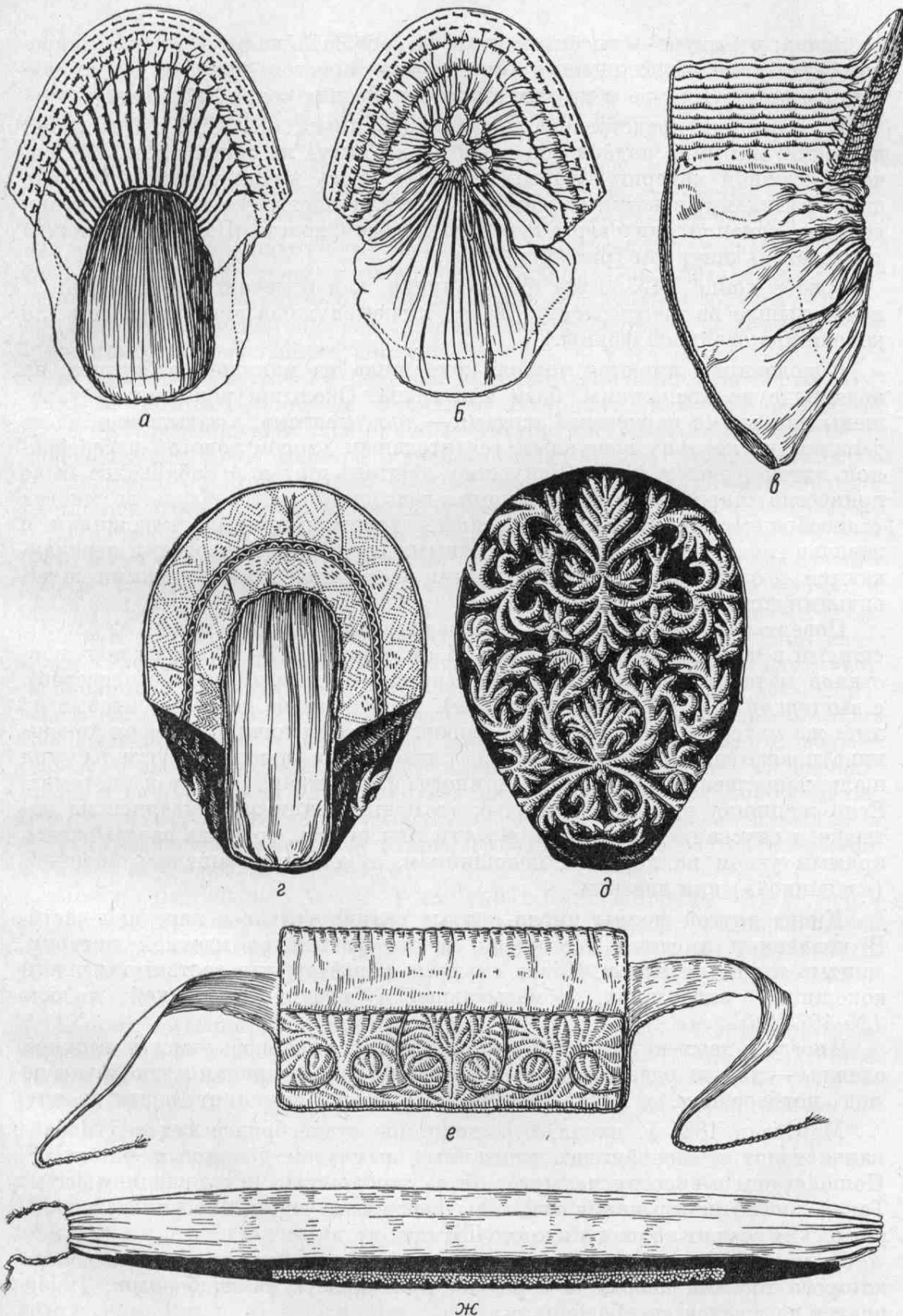

Рис. 8. Женские головные уборы.

а—в — праздничная кичка (№ 389-2): вид спереди, сзади и сбоку; *г—е* — праздничный кокошник (№№ 389-1,3): вид спереди, сзади и на затыльник; *ж* — девичья праздничная повязка (№ 389-4).

различна: в Бичуре — высокие кички, на юге Забайкалья — низкие, широкие, угловатые. Повседневные кички в виде простого чепца и до сих пор еще бытуют в Бичуре и других старообрядческих селах Забайкалья.

В коллекции представлена праздничная кичка (№ 389-2). Она имеет широкий, жесткий, подковообразный верх. Сшита из синей плотной хлопчатобумажной материи — дабы. Теменная часть кички выстрочена твердыми валиками, в которые обычно зашивали плотно укатанные жгутики волокна конопли или свернутые туго полосы холста. На затылке кичка стягивалась шнурком (рис. 8, а—в).

Уже в конце XIX в. эта форма кички, как отмечает Г. М. Осокин,¹⁸ почти вышла из употребления. Такая кичка служила лишь каркасом для кокошника овальной формы.

В коллекции имеются четыре кокошника из малинового бархата, на подкладке из крашенины, бязи или ситца. Околыши кокошников украшены нашитыми парчевыми лентами — «позументом», а затылочная часть расшита по картону вышуклым растительным узором золотой и серебряной нитью (рис. 8, г, д). Искусство золотого шитья в Забайкалье было принесено старообрядцами, женщины-золотошвей встречались во многих старообрядческих селах. Отделанные золотым шитьем кокошники и девичьи головные повязки с жемчужными рясками и привесками перекликаются с олонецкими, архангельскими и вологодскими женскими и девичьими головными уборами.¹⁹

Поверх кокошника на затылок повязывали «назатыльник» (№ 389-3), сшитый в виде полосы длиной 20—21 см, шириной 7—10 см, из полусерстяной материи или тонкого сукна (красного, синего, бордового цветов), с вышивкой золотой нитью (рис. 8, е). Подкладка из пестрого ситца, и из этой же материи завязки с двух сторон, по 43 см длиной. Поверх кокошника повязывалась («обкатывалась») сложенная пополам с угла на угол шаль, чаще шелковая с узором, но иногда и бумажная, «обшитая кистями». Если женщина шла на богомолье, то концы шали завязывались на затылке и спускались, если шла в гости или гулять, то шаль завязывалась прямым узлом на лбу, под кокошником, а концы украшались брошкой («запанкой») или цветком.

Кичка другой формы имела крутые валики только в передней части. В коллекции имеются две кички такого фасона из плотной материи, сшитые также на руках. Кичка служила каркасом для соответствующего кокошника или шали, обматывавшейся поверх картонной полосы (№ 457-12в).

Иногда в теплую погоду летом женщины в церковь вместо верхней одежды — халата одевали шаль «вроспуск», двумя концами завязывая ее под подбородком, а остальную часть спуская на спину почти до пят.

Мартос в 1824 г. писал, что женщины старообрядческих сел Забайкалья ходят в «повойниках, унизанных жемчугом, покрытых фатами».²⁰ Ношение шали «вроспуск», может быть, как-то связано с ношением фаты. Такой способ повязывания шали мы наблюдали еще в 1959 г. в старообрядческих семьях вблизи Нижнего Тагила.

Во время холода пожилые закрывали уши сложенным платком, концы которого торчали кверху, а середина приходилась на подбородок. Такой платок назывался «подбородник».

¹⁸ Г. М. Осокин. На границе Монголии. (Очерки и материалы к этнографии юго-западного края). СПб., 1906.

¹⁹ ГМЭ, колл. из Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний.

²⁰ А. Мартос. Письма о Восточной Сибири. М., 1827, стр. 141.

У молодых женщин передняя часть кички по нижнему краю вышивалась бисером, украшалась жемчужными привесками или же «кучерями» — каймой из черных перьев селезня, которые опускали в горячее масло для образования завитков. Эти украшения бытовали вплоть до начала XX в., а кое-где в сундуках пожилых женщин хранятся и теперь нарядные кокошники и кички, которые они готовили к свадьбе.

В кичке же, перевязанной свернутой шалью, ходят пожилые и средних лет женщины и в настоящее время. Нередко теперь, как и прежде, молодые женщины украшают кичку поверх шали брошкой или цветком, а на плечах носят яркие шали. Раньше те, кто побогаче, накидывали на плечи шали «барсовые» (атласные), «гризетовые», «фанзовые» (фанза — плотная материя с выработкой, род тафты), а кто победнее — кашемировые и бумажные шали с большими кистями.

В праздник вся грудь у девушек и молодых женщин украшалась бусами, из которых наиболее ценились янтарные. Янтарей носили до 12 нитей. Особенно ценились крупные янтари, где центральная бусина — «королек» достигала размера куриного яйца. Такие янтари называли «хунтовыми» (фунтовыми). В будние дни носили одну нить янтаря, а чаще подделки под него. Эта мода сохранилась.

Мужская одежда в коллекции представлена лишь рубахой и штанами (№№ 457-1 и 3) из фабричной ткани. Рубаха кумачовая, туникообразного покроя, из одного полотнища шириной 58 см, перегнутого на плечах и образующего прямую спинку и перед. Длина от подола до плеча — 105 см; по бокам по два клина, усеченных сверху у рукава. Длина клиньев — 72 см. Благодаря клиньям подол расширен. Рукав из целого полотнища, скошенного к запястью; шов под рукой; ластовка квадратная (9×9 см), такого же материала. Рубаха с косым воротом, обшитым пестрым, узким шелковым шнурком; ворот и разрез пазухи прошиты, кроме того, шелком (синим, белым, голубым); на груди таким же шелком вышито «окошечко». Грудь и спина рубахи на «подполке» из пестрого ситца, длиной 46 см. Ворот рубахи застегивается на пуговку. Кроме того, здесь бытовали и рубахи с завязками вместо пуговицы. Рубаху носили обязательно поверх штанов и подпоясывали (рис. 9, а).

Пояса или кушаки (№ 457-2) для рубах были широкие — «в четверть шириной», гарусные и шелковые, плетеные или тканые, складывавшиеся при опоясывании вдвое. Готовили их сами крестьянки из гаруса 6, 8, 12 цветов или же покупали у мастериц в Иркутске, где женщины ткали пояса и кушаки для продажи.

Штаны, имеющиеся в коллекции (№ 457-3), спиты из черного плиса, широкие, у пояса заложены в складки, застежка на одну пуговицу; внизу штаны на вздержке из тесьмы (видимо, носили их с напуском на сапоги). В шагу вшиты два клина, каждый длиной 57 см, до пояса клинья не доходят (рис. 9, б).

Во второй половине XIX в. плис был очень распространен в праздничной народной одежде. Плис русских фабрик продавался по всей Сибири и через Кяхту вывозился за границу. Помимо плиса, применялись шелковые и хлопчатобумажные ткани. Покрой одежды долгое время сохранялся старый. Даже в 1960 г. наша экспедиция наблюдала и фиксировала в быту старые формы покроя мужской и женской одежды как из домотканного сукна, так и из фабричных тканей. Однако бытовали они уже не широко, а в отдельных, наиболее консервативных семьях.

В первой четверти XVIII в. наряду с проведением реформ, способствовавших дальнейшему укреплению и развитию страны, Петр I осуществил ряд преобразований в области культуры и быта. Указом от 4 января 1700 г. было запрещено ношение одежды старого покроя высшим классам

общества и тем положено начало внешней европеизации русского двора. Вместо длиннополых тяжелых кафтанов мужчины стали носить короткие кафтаны с камзолами европейского фасона, короткие панталоны и длинные чулки. Женский костюм также изменился. Старинные сарафаны и

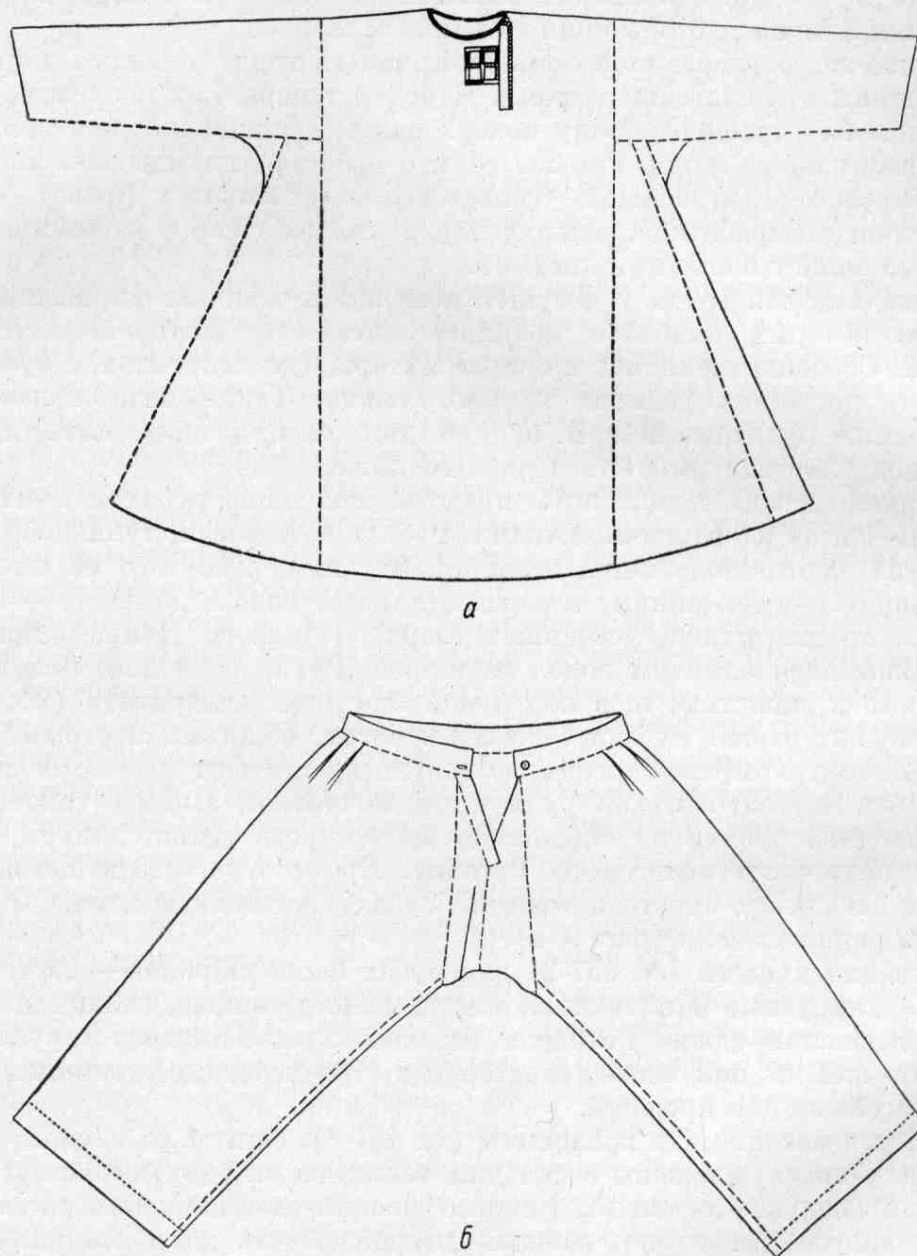

Рис. 9 Мужская одежда.

a — рубаша (№ 457-1); *b* — штаны (№ 457-3).

телогреи были заменены европейскими костюмами — широкими юбками на фижмах и лифами с перетянутой талией. Вошли в моду пудренные парики, которые носили мужчины и женщины.

В 1701 г. и в сибирских городах, включая Забайкалье, был получен указ о ношении европейского платья и обуви.²¹ Всякого звания российским людям, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, было приказано

²¹ В. Загорский. Из быта и нравов Сибири XVIII в. Сибирский архив, № 6, Иркутск, 1912, стр. 449—465.

носить европейское платье. Причем каждому «чину» полагалась своя одежда, «чтобы всякий чин свое определение имел; посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному люду согласно не было».²²

По именному указу Петра I от 11 января 1715 г. предписывалось брить бороды и усы всем чинам, а за невыполнение этого указа бралась денежная пошлина (с торговых и посадских людей 100 руб., а с прочих — 30 руб.). Те, кто уплачивал пошлину, получали «бородовые знаки», специально для этого установленные.

Европеизация коснулась и крестьянского класса. Указ от 6 апреля 1722 г. предписывал «раскольникам и бородачам, какого они звания ни были, носить указное раскольничье платье, чтоб они по тому во всех местах явны были, и ни под каким предлогом нигде прикрыться и от положенных с них денег минут никак не могли».²³ Сюда включались и раскольники из крестьян, имевшие промыслы, откупа, подряды, торговые заведения, а следовательно, бывавшие в присутственных местах по своим делам. Но если всем чинам полагалось носить европейский костюм и за нарушение этого указа платить пошлины, то старообрядцам предписывалось носить старорусский костюм. Но за свой вид они обязаны были платить «указные пошлины» и штраф. Эти пошлины и штрафы составляли известную статью дохода правительства.

Старообрядцы должны были носить зипун со стоячим клееным козырем, ферязи и однорядку с лежачим ожерельем.²⁴ В 1846 г. этот указ Петра I был еще раз подтвержден.

Нельзя сказать, что одежда старообрядцев была единого образца для всех, но этот именной указ несомненно способствовал единообразию. Этому также способствовали трактаты и уставы, разрабатывавшиеся руководителями различных направлений старообрядческих учений и толков.

Федосеевское учение зародилось в Новгородской губернии. Его основоположником был дьячок из Крестецкого Яма Феодосий Васильев, который собрал вокруг себя приверженцев старины в бытовом укладе. Избегая гонения, федосеевцы переселились из Новгородской и Псковской губерний на Ветку (Могилевская губ.) и в Стародуб (Черниговская губ.). Сюда же постепенно переселялись последователи этого направления из других губерний. Самыми рьяными сторонниками старинной одежды выступали в XVIII в. поморское, новопоморское и монинское согласия. В их уставах была переименована одежда, от которой надо было воздержаться. Появился трактат «О древнем обряде», представляющий собой пространное сочинение об одежде.²⁵ В нем доказывалось, что за ношение иноземного платья грозит ужасный гнев божий и гибель государства.

Беспоповцы упрекали православных за то, что у них женщины стоят в храме с открытыми головами, в париках и с обнаженной грудью, а купцы, подьячие и адвокаты, — пересыпавши свои волосы мукой и с подбритой бородой.

Трактаты и уставы старообрядцев осуждали ношение галстуков, картузов, малахаев (шапок, разрезанных «на четверо»), «немецких» сапог и высоких башмаков. Трактат запрещал также юношам носить красные

²² И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. М., 1951, стр. 128. — Первое издание книги относится к 1724 г. (СПб.).

²³ М. И. Лилеев. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. Киев, 1893, стр. 127, 128.

²⁴ Там же, стр. 129.

²⁵ М. И. Успенский. Старообрядческое сочинение 18 столетия об одежде. Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 10, кн. 2, СПб., 1905, стр. 18—30.

рубашки и коломенковые штаны, а девушкам — красные сапоги и красные платки. Девушки не должны были приходить на моление в «золотых» повязках. Кто нарушал эти запреты, тот должен был «сотворить при соборе 300 поклонов до земли».

В трактате доказывалось, что обычай среди мужчин носить длинные волосы ведет свое начало от «еллинов», приносивших будто бы в жертву идолам своих детей и отращивавших у них длинные волосы. Основываясь на таком доказательстве, старообрядцы указанных согласий запрещали мужчинам растить длинные волосы. Полагалось подстригать всю голову гладко и слегка состригать волосы на «верхушке» (макушке) головы. Но бороду стричь не полагалось. Это строго соблюдалось старообрядцами Забайкалья, что отмечал еще в XIX в. исследователь В. Паршин.²⁶

Было немало и других запретов, которые до недавнего времени частично еще соблюдались в некоторых семьях с. Бичуры. Например, запрещалось в среды и «пятки» (пятницы) топить бани, мыться и стирать.

Многие религиозно-бытовые предписания трактата и устава старообрядцев свидетельствуют об узости, мелочности запретов, о невежестве и суеверии. Слепая боязнь «кары божьей» заставляла подчиняться и выполнять уставные предписания.

Но, как мы знаем, в одежде старообрядцев произошли немалые изменения с тех далеких времен. Да и не могло быть иначе, поскольку на Ветке и в Стародубе были последователи старообрядчества из разных губерний. В первый период существования раскола большинство его последователей в стародубских и ветковских слободах были выходцами из центральных губерний Европейской России (Московской, Калужской, Ярославской, Костромской).

Главную массу выходцев на Ветку и в Стародуб составляли крестьяне разных ведомств — дворцовые, монастырские и помещичьи — из указанных центральных губерний. Одежда их не была одинаковой. Но уже в первой четверти XVIII в. здесь появляются «беспоповские секты» — поморцы и федосеевцы. Во второй половине XVIII в. они своим влиянием захватили не только Ветку и Стародуб, но и Москву.

По архивным документам установлено,²⁷ что 16 208 человек русских крестьян-старообрядцев, переселенных в середине XVIII в. с Ветки и Стародуба в Сибирь, были родом из Московской (4823 чел.), Белгородской (2030), Новгородской (1864), Смоленской (670), Воронежской (665) и Нижегородской (480 чел.) губерний.

Сочетание северных и южных элементов в характере отделки и некоторых деталей в одежде старообрядцев Забайкалья, в том числе с. Бичуры, несомненно объясняется взаимовлиянием в самой среде старообрядцев. Весьма вероятным может быть такое предположение, что бытовавшая в конце XIX в. в Забайкалье праздничная верхняя одежда (шушун) принесена сюда из южных губерний России. Со временем она получила название «халат», более принятое в Забайкалье для верхней одежды старообрядцев, употреблявшейся при посещении моленных домов, часовен.

Формы материальной культуры складываются в конкретно-исторических условиях и подвергаются изменениям наряду с изменением этих условий. Забайкалье не является исключением из исторического процесса. Здесь прослеживается известная замедленность развития форм материальной культуры, но старообрядцы не могли полностью удержать традицион-

²⁶ АГО, р. 59, оп. 1, д. 15, л. 332.

²⁷ ЦГАДА, ф. 288, д. 555, лл. 1—5.

ную культуру. Изменения все же наблюдались, причем интенсивность их у различных социальных групп была неодинаковой.

По данным 1890 г., Забайкальская область по численности населения занимала третье место в Сибири (после Томской губ. и Семипалатинской обл.). Из общего числа населения русские здесь составляли 68,7%. Среди русского населения более 75% составляли православные и лишь 5,67% — старообрядцы. Основная масса старообрядцев проживала в Верхнеудинском округе, и самое большое поселение их было в с. Бичуре, имевшем в 1897 г. вместе с сибиряками 750 хозяйств.²⁸

При всей консервативности быта старообрядцев в конце XIX в. они не могли быть полностью изолированными от деловых общений с другими группами населения. Эти общения происходили в среде зажиточных старообрядцев, занимавшихся торговлей, различными подрядами, и среди семейств, нуждавшихся в дополнительном заработке. Подсчет, произведенный нами по материалам сплошного подворного обследования 1897 г., свидетельствует о том, что 19 бедных семей старообрядцев с. Бичуры с малыми детьми ушли на золотые прииски и члены многих семей работали на строительстве железной дороги и сезонно в других местах. Следовательно, не было полной замкнутости, изолированности быта старообрядцев в конце XIX в., что и нашло отражение в характере их одежды. В отдельных семьях консервативность быта прослеживается в начале XX в., а в отдельных элементах одежды — до середины XX в.

---

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 344.